

РОССИЙСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ В РЕАЛИЯХ XXI СТОЛЕТИЯ¹

С.А. Никольский
Институт философии РАН

Произошедшее двадцать лет назад крушение одного из самых мощных тоталитарных режимов XX века – советского строя в России не привело к автоматическому утверждению демократии. Зачатки ее, появившиеся в начале 90-х годов, менее чем через десять лет были свернуты. И ошибочно винить в этом только новую, пришедшую на смену Б. Ельцину, власть. Большинство населения страны, не выдержав испытания новой, обращенной к началам самоуправления, жизни, приветствовало возвращение авторитарного строя, избавляющего его от ответственности за собственное будущее, но обеспечивающего минимальный уровень материального благополучия. Этот общий вывод может быть конкретизирован по-разному. Я же попытаюсь это сделать в плоскости содержания и перемен в самосознании россиян.

* * *

Под национальным, в том числе и российским самосознанием, следуя философской традиции, я понимаю систему идей, взглядов, представлений, убеждений, верований, норм, целей, ценностей и привычек, сложившихся у отдельного субъекта и народа в целом и проявляющихся в его поведении и действиях в обыденно-типичных или экзистенциально-экстремальных ситуациях. Оно включает в себя понимание индивидом самого себя, своей специфики (отличия) от представителей иных национальных общностей, что происходит как через позитивное отождествление и утверждение, так и через негативное – «мы – не французы, немцы, китайцы и т.д.». При этом, французам, немцам и т.д. может приписываться нечто, им вовсе не свойственное, но что важно для утверждения собственных представлений россиян о себе самих.

Самосознание индивида, будучи связанным с его потребностями и интересами, делает этот взгляд на мир заинтересованным. К тому же, самосознание – эта и осознанная, отрефлексируемая и определенным образом упорядоченная система, которая в своем «устойчивом ядре» присуща большим группам людей, по которым эти группы идентифицируют себя, отличают «своих» от

¹ Статья подготовлена в рамках работы по гранту РФФИ 09-06-00171-а

«чужих». В самосознании больших человеческих общностей есть некие базовые элементы, которые присущи многим (если не большинству) людей определенной культуры².

Среди этих базовых элементов не последнее место занимают, в частности, языковые проявления самосознания. Это, например, фиксируемые лингвистами так называемые «типично национальные» понятия, например, такие сугубо русские, как: *душа, судьба, тоска, счастье*, а также такие глаголы, относящиеся к нашему традиционному пониманию практической деятельности, как: *собираться, постараться, сложилось, довелось, получилось, появилось*. Эти понятия, по мнению филологов, являются специфически русскими, характерными именно для нашей лексики и национальной языковой картины мира и которые в других языковых картинах мира отсутствуют³. Сравним, например, приведенные русские неопределенные глаголы с английским глаголом «to do» — «делать». Употребляющий английский глагол субъект сразу же фиксирует по крайней мере три момента заявляемого им намерения практической деятельности. Он четко определяет именно себя в качестве субъекта действия; сообщает о намерении приложить усилия, а именно что-то сделать; даже в мыслях не допускает возможности ожидания каких-то благоприятствующих или исчезновения неблагоприятствующих факторов или обстоятельств. Кроме того, своей определенностью он возлагает на себя личную ответственность за конечный результат. Конечно, глагол «делать» есть и в русском языке. Однако кроме него там есть и названные, а потому итоговая конструкция часто звучит как «постараюсь что-то сделать».

* * *

XXI век наряду с такими важными реалиями как необходимость выработки механизмов согласования экономического развития человечества или недопущения системного экологического кризиса поставил и проблемы, неизвестные прежде. Одной из них, безусловно, является инновационное развитие страны, желающей сохранить или приобрести лидирующие позиции в мире.

Необходимость инновационного развития, которое в последнее время в России все больше подается как актуальная экономическая и общественная задача, требует всестороннего анализа, включая его понимание в связи с темой самосознания. При осмыслении этой задачи под определенным углом зрения оказывается, что составными частями общественного развития и самосознания

² В развитие этой темы уместно указать на интересное исследование И. Нойманна, который применительно к русским формулировал свою исследовательскую цель так: важно то, «о чем конкретные русские *думают* как о чем-то общем для всех них (будь то цель, проблема или символ) и что составляет русскую идентичность». Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. С. 14.

³ См., напр.: Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 452–460.

индивида и общества выступают архаика, традиция и инновация, при этом у каждой из этих частей есть свое специфическое предназначение, своя роль.

Для конкретизации этого представления следует взглянуть на самосознание как на целостность, состоящую из названных элементов не только тесно связанных между собой, но и различающихся по разной степени подвижности, источника развития и существования каждого элемента. Так, инновации – наиболее подвижная часть триады, представляет собой совокупность непрерывно возникающих в общественном развитии и сознании индивидов, в их отношениях или в производимых ими продуктах модулей разного рода новых элементов и вариантов их взаимосвязей. Однако после возникновения их существование возможно лишь в одном случае – во взаимодействии с традиционными (уже работающими) элементами и сочетаниями вплоть до их полного развития в качестве таковых или же, что также не исключено – до их полного уничтожения (отторжения). В процессе этого взаимодействия некоторые инновации благополучно инкорпорируются, становятся частью, дополнением работающей системы традиций. Некоторые инновации заменяют отдельные элементы (связи) системы традиций на новые. А некоторые отторгаются и исчезают как неприемлемые. Таким образом, по отношению к инновациям существующая система традиций выступает как главный фактор искусственного отбора.

Но и сами элементы традиционного в своем статусе не вечны. В случае, если какие-либо из них, их сочетания или их связи работают в системе слишком долго, они как бы закаменевают, перестают быть восприимчивыми для взаимодействия с вновь появляющимися инновационными элементами и связями и в итоге переходят в наименее подвижную часть системы – архаику. Архаика – это наиболее давние, широко распространенные и укорененные традиции. Примерами таких архаичных элементов могут быть моногамные или полигамные браки, по поводу форм которых споров у подрастающих поколений не возникает.

Инновационное, традиционное и архаичное можно представить как три существующие и взаимодействующие между собой плоскости развития, лежащие одна на другой, но движущиеся с разными скоростями. Нормальное, не испытывающее специального насильственного воздействия общественное развитие естественным образом продуцирует в себе и из себя инновации, обеспечивает их взаимодействие с традицией и передает их отдельные образцы, элементы и связи на нижний, базовый уровень архаики.

Случается и так, что отдельные общественные силы или личности, заинтересованные в активном продвижении каких-то инноваций на традиционный уровень, их длительном на этом уровне существовании или даже переносе на архаический уровень, насильственным образом вмешиваются в этот естественный процесс. И делают они это в основном насильственно, параллельно прибегая к помощи идеологии, которая в этом случае выступает не просто как система идей, взглядов, норм поведения, привычек и т.д., а как система «внушений»

и соответствующего поведения, всеми возможными материальными и идеальными способами понуждаемая к совершению идеологически предначертанного действия. Идеология в этом случае выступает тем, что под ней подразумевал К. Маркс, и что обычно в контексте советской лексики называлось «идеологической работой». Но бывает и наоборот – когда некие элементы, благополучно отжившие и пришедшие в забвение, вновь стараются извлечь из глубокой архаики и придать им форму важной живой традиции.

В действии идеологического «внушения и поведения» не стоило бы усматривать никаких угрожающих совокупному общественному движению негативных последствий, если бы не одно обстоятельство. Идеология не только стимулирует продвижение каких-то определенных инноваций на традиционный и архаический уровень, но и активно препятствует возникновению и закреплению на традиционном уровне инноваций, возникающих в общественном развитии органично и требующихся для того, чтобы развитие продолжалось. В этой своей роли идеология берет на себя роль традиций и начинает проводить среди инноваций своего рода искусственный отбор на предмет их соответствия или несоответствия содержанию своего «внушения» и задачам, заложенным в нее идеологами. Такая «идеологическая работа» тормозит процесс естественного появления инноваций, их проникновения и закрепления на традиционном уровне. В результате, общественное развитие замедляется, наступает стагнация, а вслед за ней и застой. Аналогичные процессы происходят и в сфере общественного и индивидуального самосознания, с той лишь разницей, что индивидам присуща определенная степень личностной свободы.

В случае проведения «идеологической работы» архаический уровень также не ведет себя исключительно пассивно. Под идеологическим воздействием он искусственно активизируется и начинает избирательно извлекать из традиций лишь определенные, санкционированные идеологией, элементы, перенося их на свой уровень и придавая им форму незыблемых, то есть присущих социуму «от века». Под влиянием архаики возможно даже извращение содержания некоторых инноваций. Сделать это тем более просто, поскольку инновационные элементы на своем уровне (то есть до соприкосновения и инкорпорирования в традицию) высоко уязвимы, их легко представить в несвойственном им, извращенном виде, то есть фактически подменить. Эту работу также выполняет идеология.

Описывая инновационный, традиционный и архаический уровни, нужно отметить и присущие каждому из них особенности возникновения и существования. Так, об инновационном уровне нужно сказать, что он почти исключительно связан с такими свойствами и способностями человеческого мышления как воображение и фантазия. На уровне традиции главным образом работают рациональные и чувственные способности, а с архаическим уровнем теснее всего коррелируется иррациональное - вера.

Теперь, когда в общих чертах изложена гипотеза о взаимодействии инновации, традиции и архаики, а также роли в их взаимодействии идеологии, можно перейти к рассмотрению ее (гипотезы) объяснительных возможностей в современных условиях.

* * *

Еще насколько десятилетий назад обычной и комфортной формой существования людей было пребывание в национальном, локальном и групповом обособлении. В этих же параметрах существовало и самосознание. Однако после появления Интернета и информационного общества ситуация кардинально изменилась. Важнейшим фактором, характеризующим самосознание, стала колоссально возросшая взаимосвязь индивидов между собой на основе общего информационного пространства. Тотальность существенно потеснила локальность.

Для развития общества в разрезе «инновации – традиции – архаика» это стало означать, в частности, следующее. Во-первых, произошел огромный рост продуктивности инновационного уровня, который стал мощно предлагать свое включение, активно влиять на уровень традиций. И, во-вторых, за счет тотального оповещения-информирования всех участников информационного пространства существенно расширились возможности развития индивидуального самосознания и, одновременно, ограничили возможности «идеологической работы» - искусственного, выгодного отдельным политическим силам воздействия (искусственного отбора) инноваций и их дальнейшего продвижения на уровень традиций.

Казалось бы, в этих условиях скорость общественного развития и развития самосознания должна автоматически существенно увеличиться. Однако автоматизм не срабатывает. Выяснилось, что для успешного продвижения с инновационного уровня на уровень традиционный, для включения отдельных продуктов воображения и фантазии в действительность также требуется определенная образовательно-просветительская работа. В случае же, если ее нет, процесс внедрения инноваций в традиции замедляется, так как произведенные и не инкорпорированные в традиционное инновации сперва работают вхолостую, а затем отмирают. Таким образом, в новых условиях одной из важнейших общественных потребностей стала потребность в отлаживании (приспособлении) механизмов, регулирующих процесс органичного включения инноваций в традиции и, тем самым, в общественное развитие, в самосознание индивида и общества в целом. Как же содействовать этому процессу, то есть выполнять обозначенную образовательно-просветительскую работу?

По прошествии некоторого времени стало ясно, что ничего нового для выработки оптимальной модели регулирования общественного развития и развития самосознания нет, за исключением двух «вечных механизмов». Это, во-пер-

вых, правовые нормы и соответствующее им правосознание и, во-вторых, закрепленные в обществе и сознании религиозный, моральный, научный и художественный авторитеты. При этом действие закона должно быть безукоризненным и неукоснительным, а действие авторитетов свободно устанавливаемым и ничем не стесняемым.

Конечно, при слабости «вечных механизмов» ничто не гарантирует от попыток регулировать общественное развитие и формирование самосознания с помощью избирательного применения закона, навязывания ложных авторитетов, создания угрозы репрессий и даже диктатуры. Но, во-первых, даже в прошлом, в условиях локальности, эти попытки или практика никогда не давали сколько-нибудь продолжительного эффекта. И, во-вторых, в условиях общего информационного пространства и того, что люди в благополучных демократических странах, выступая в качестве неявного образца для сравнения, сделали выбор и стараются придерживаться «вечных механизмов» общественного развития, иная модель его регулирования тут же обнаруживает свою ущербность, то есть становится невозможной. А если общество все же пытается прибегнуть к какой-либо старой модели, работавшей ранее в условиях локальности, то в новых условиях оно с неизбежностью начинает деградировать. Таким образом, общее информационное пространство, стимулируя процесс возникновения инноваций, превращается в императив создания или упрочения оптимальной модели регулирования общественного развития и становления самосознания.

* * *

К сожалению, в современной России осознание новой реальности – перехода к информационному обществу, от локальности к тотальности и необходимости укоренения «вечных механизмов» оптимального общественного развития до сих пор не произошло. Во-первых, потому, что в стране традиционно слабо действие «вечных механизмов» оптимальной модели регулирования общественного развития и в последнее десятилетие для их укрепления власть делает очень мало. Во-вторых, потому, что из всего спектра «вечных механизмов» нынешняя власть сделала ставку лишь на возрастание роли религиозного авторитета, в то время как остальные их компоненты практически игнорируются. И, наконец, в-третьих, потому, что поддавшись искусу следовать имеющейся в истории страны традиции авторитарного управления, базирующейся на неизжитой иллюзии, что один человек (группа соратников) способны направить общественное движение и самосознание по верной дороге, уже сделаны и продолжают делаться ошибочные шаги. То есть, у неверно избранного в последнее время пути общественного развития уже складывается своя история, что становится фактором дополнительного влияния. У власти также нет и понимания того, что как бы ни были лично честны и разумны отдельные правители, при старой системе общественного развития они рано или поздно становятся одной из мно-

жества властных групп. А при этом условии, если даже отдельные правители сохранят благие намерения, то они все-таки делаются лишь маленьким элементом в конгломерате намерений и интересов прочих властных групп, далеко не столь однозначно настроенных на благо. По этой причине единственная возможность укрепить направленную на благо власть означает отказ от попытки ее сосредоточения в одной честной паре рук и постепенную передачу в сферу ведения «вечных механизмов».

* * *

К сожалению, представления о том, что Россия и самосознание россиян не готовы к иным формам правления, кроме авторитарных, довольно распространены. Так, например, подобные идеи были сформулированы в статье видного представителя современной интеллигенции известного режиссера А. Кончаловского⁴, заявившего о «неготовности» нашего народа к цивилизованной жизни. Впрямую к таким идеям примыкают и борцы за русскую национальную самобытность, время от времени выдвигающие разного рода проекты дебилизации российского общества в форме «массовой культуры». Таковой, в частности, недавно был предложен на страницах издаваемого г. Третьяковым журнала «Политический класс»⁵.

Моя мысль, которую я постараюсь обосновать, состоит в следующем. Жизнь или смерть культуры зависит не столько от заботы или небрежения со стороны государства (хотя создание минимально необходимых условий, конечно, желательно), сколько от наличия или отсутствия в стране извечного оппонента и, одновременно, партнера государства – развитого гражданского общества и его субъекта – свободной личности. Культуру создают личности, а не чиновники, даже если перед ними поставить общественно значимую цель.

В своих рассуждениях С. Сергеев исходит из ряда сомнительных тезисов: мы присутствуем при умирании Культуры, поскольку из современников некого поставить в один ряд с великими Пушкиным и Толстым; сегодняшняя Культура не выполняет своей эстетической, познавательной и социальной функции; правящая элита отказалась от просвещенческого проекта окультуривания народа; в современной России гуманитарно образованные люди не нужны; идеалы, проповедовавшиеся отечественной литературой, противоречат «полубуржуазным-полууголовным этическим предпочтениям большинства россиян»; общенародный статус отечественной классики фальшив, потому что в стране нет «проекта совместной жизни». И далее - рецепт: государству надо озаботиться созданием эрзаца – масскульта с поп-беллетристикой, комиксами, компьютерными игра-

⁴ Кончаловский А. «Верить или размышлять? Как нам взрастить политическую культуру». «Политический класс», 2006, № 7 (19). См. также мой отклик - «Народ к демократии пока еще не готов», или снова о «социализме с человеческим лицом». «Политический класс», 2006, № 10 (22).

⁵ Сергеев С. «Имитация Культуры. Высокая Культура перестала быть действенным символом национально-го единства». «Политический класс».2008, № 4 (40).

ми, приспособленными для «современного массового русского человека». Усваивая их, «массовый человек» получит прививки «национальной солидарности», «социального сотрудничества», достойные примеры «мужчины как воина и труженика», а женщины как «домостроительницы и матери». (Не знаю, как читателю, но мне это отчетливо напоминает проект нацистского ученого - доктора Хасса из фильма С. Кулиша «Мертвый сезон», надеявшегося при помощи газа RH вывести особые породы идеальных счастливых людей – ткача, землекопа, шофера?)

При том, что С. Сергеев беспомощен в анализе и постановке диагноза современного кризиса отечественной культуры, он прав в факте – культура переживает не лучшие времена. Сложное, переходное состояние народного сознания, наблюдаемое нами, фиксируется с момента своего возникновения, в частности, в размышлениях писателей и литературных критиков. «Невиданная ранее черта психологии – раскрепление черт и признаков, - отмечал в конце 80-х годов Л. Аннинский. - Ничто не закреплено: не черты характеров, ни признаки вещей. Каждый готов стать всем и рискует остаться ничем. Отсюда нетерпение в людях, и азарт гонки, и страх обмана, и озлобленность от непрерывного напряжения, и невозможность понять - где что и кто есть кто, ибо все крутится, меняется местами, ролями. В этом вращении всего и вся признаки драматически отлетают от вещей, слова от явлений, традиционные ценности – от ценностей меняющихся»⁶.

В более широком смысле на этот же счет высказывался и Виктор Астафьев. «Мы ведь все упавшие духом сейчас. Часто в депрессии пребываем. Да и как избежишь ее, когда посмотришь вокруг, послушаешь... Я потому и в деревню забрался, в огороде копаюсь. Тянет к одиночеству. И по телевизору я уже тяжело переношу как вождей, так и литераторов... Ни в чем не уверен – ни в завтрашнем дне, ни в себе, ни в книгах своих»⁷.

«Промежуточное», смутное, мятущееся сознание – отражение состояния самой действительности. Да и какой этой действительности быть? Ведь она и на самом деле в процессе перехода. За спиной у российского общества – семидесятилетняя трагически-неудачная попытка построения административно-бюрократической модели экономики и общественной жизни в целом. Впереди – размытые контуры нового социально-экономического уклада.

Что же касается знания о нашем прошлом, то оно таково, что опираться на него как на объективно-достоверное нельзя. Знание – продукт, отражающий реальное положение вещей в человеческой интерпретации - с оценками и отношением его конкретного носителя. Мы понимаем, что многое из доставшегося нам багажа должно быть культурно преодолено. Но что и в какой мере? И что необходимо с благодарностью наследовать и культивировать в новых условиях? К сожалению, государство, на которое столь сильно уповает г-н Сергеев, не дает

⁶ Аннинский Л., Глушкова Т. Фениксы и хамелеоны. Диалог критика и поэтессы. В сб. «Что с нами происходит? Записки современников». М., Современник, 1989, с. 250.

⁷ Интервью с В.П. Астафьевым. «Литературная газета», № 39, 26 сентября 1990.

и в принципе не может в этом случае дать нам ясного понимания. Впрочем, когда все же пытается, то возникает несусветное. Пример? Да хотя бы из всем очевидного – государственных символов. Флаг страны – триколор императорской России. Но и знамя СССР не в музее. Герб – двуглавый орел. Но и звезды не погасли. Текст гимна – новый. Но под старую музыку сами собой всплывают слова «Союз нерушимый...» В общем, как верно говорит Анненский, «все крутится, меняется местами, ролями».

Впрочем, в этой круговерти-карусели есть и в последние годы укрепляется константа, всегда бывшая в России, но с особой силой утвержденная советским строем. Это фигура «человека в погонах» или, как раньше говорили, «человека с ружьем». Именно он стал повивальной бабкой нового государства: пятимиллионная, хлынувшая с фронтов армия, смертельно уставшая от бессмысленной бойни, радостно подхватила открывающий низменные инстинкты большевистский лозунг «грабь награбленное». Именно «человек в погонах» стал затем главной скрепой советского строя, выполняя разные, как постыдные, так и героические роли – от вохровца ГУЛАГа и интернационалиста-агрессора – до защитника и спасителя страны в годы Отечественной войны.

Конечно, войны играют существенную роль в истории многих народов. Но если сравнивать с Европой, то тамошний аналог «человека в погонах» – рыцарь – имел свое исторически определенное место и перестал быть центральным субъектом истории под влиянием процессов возрождения, реформации и просвещения. В свою очередь, процессы эти одним из своих результатов имели становление гражданского общества. В России, как известно, возрождение, реформация и просвещение не состоялись. И потому все общественные задачи были возложены на государство. Оно оказалось не только защитником страны, но и единственным организатором развития производительных сил, и церковным реформатором, и просветителем, и защитником униженных и оскорбленных. Естественно, наряду с чиновником, важнейшей деталью в государственной машине стал «человек в погонах».

Постепенно этот главный персонаж российской истории сделался столь табуированной фигурой, зачастую подаваемой как «наше национальное все», что даже недавняя попытка участника Великой Отечественной войны рядового Виктора Астафьева разобраться, кто и что на этой самой войне делал, кто и как зарабатывал награды, кто и всегда ли обоснованно посылал других на смерть, вызвала мало с чем сравнимый припадок национальной истерии – как посмел вопрос задать!? При этом – загадочная русская душа! – равно негодовали как те, кому, как сказал поэт, звезды катилась на погоны, так и те, кому они попадали под сердце⁸.

⁸ См., например, Астафьев В. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952 – 2001. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009.

* * *

И, наверное, ничто бы не менялось в родном Отечестве, если бы не вызовы новой эпохи – постиндустриального, а теперь и информационного общества. Оказалось, что даже простое выживание в привычной для нас парадигме «органического производства» (Д. Лал), то есть жизни за счет природного сырья и плодов земли, теперь под большим вопросом. Стало очевидно, что наш тысячелетний «природно-общинный» тип производства не только не конкурентоспособен, но и просто неадекватен задачам элементарного выживания народа в новых исторических условиях. Что привычная советско-армейская управленческая парадигма «не можешь – научим, не хочешь – заставим» и «делай как я» не обеспечивает успеха. Что сконцентрировавшее в себе все жизненные общественные функции государство не только не может выполнять их эффективно, но и вообще сколько-нибудь удовлетворительно, а его центральные фигуры – чиновник и «человек в погонах» - по определению не могут все общественные задачи решать.

Впрочем, легко об этом рассуждать. А жить как? Если российский народ в массе своей привык к тому, что хотя и скверно, но все же государство делает за него то, что вообще-то должен делать он сам. Если 90-е годы показали, что когда меняются фундаментальные условия жизни общества, то, по крайней мере, на довольно продолжительных начальных этапах нового развития большинству будет не лучше, а хуже, чем было. Что не будет привычного всеобщего равенства в нищете и, если желаем жить лучше, то нужно многие функции у государства отобрать, многие упразднить, а многие выполнять самим. А для этого непривычно много без зарплаты и «халявы» трудиться и самоорганизовываться. Что наиболее предприимчивые постараются без меры «откусить» от общего «национального пирога», заботясь лишь о том, чтобы не слишком гневить государство и для этого начнут с ним делиться. Что мировое сообщество и олицетворяющие его страны, как всегда декларируя общность интересов, превыше всего будут ставить собственную национальную выгоду, в том числе и достигаемую за счет других любой ценой. Ведь так, вполне допускаю, и до распада России легко было дойти. Вот тут-то в конце 90-х годов и оказался вновь и тотально востребован «человек в погонах».

Сомнений в подлинности именно такого течения событий в нашей недавней истории у меня нет, равно как и относительно новой призванности война в качестве главного государственного менеджера, тем более, что от одного из таких людей есть прямое свидетельство. В своей статье в «Комсомольской правде» В. Черкесов, в прошлом - руководитель службы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, писал: «чекисты и наша нынешняя Россия оказались исторически связаны... Никто не рвался к власти, не хотел присвоить роль господствующего сословия. История распорядилась так, что груз удержания российской государственности во многом лег на наши плечи. Мы должны при-

знать, что буквальной готовности к этой роли у нас не было и не могло быть. Что чекисты - это не «ум, честь и совесть», а очень разные люди. С одной стороны, безусловные патриоты, сильные и активные, с другой - не без профессиональной ограниченности и корпоративных недостатков. Но так случилось. И просто не оказалось всему этому реальных социальных альтернатив»⁹.

Сказанное В.В. Черкесовым – отражение реальной ситуации в современной жизни страны. По оценкам социологов, почти три четверти государственных должностей сегодня занимают выходцы из спецслужб, силовых и военных ведомств. Сколько их среди руководителей столь популярного сегодня «государственного бизнеса» и «частно-государственного партнерства» - можно лишь догадываться. И было бы странно, если бы тот, кто «удержал на своих плечах груз российской государственности», в награде за это себя обделил. Сужу об этом, в частности, по продолжающемуся на российской сцене представлению под названием «процесс Ходорковского – Лебедева», равно как и опереточным процессам над так называемыми «оборотнями в погонах», когда извлекаемое из их сейфов в сотни раз превышает их немалые оклады, но в процессе следствия, которое ведут такие же «люди в погонах», до казны все же не доходит.

Оставлю в стороне рассчитанную на наивного читателя авторскую оценку «так случилось». На мой взгляд, высший жизненный императив «человека в погонах» всегда был, есть и по определению должен быть только один – «выполнение приказа без обсуждения и колебаний любыми средствами и любой ценой». Именно это вытекает из военной присяги - фундаментальной основы его жизни.

Но в какой мере этот привычный для «людей в погонах» тип социального и, в том числе, экономического поведения согласуется с императивными требованиями современного информационного общества? Напомню, что среди них - высокие моральные качества, основанные на реально высоком уровне личной свободы индивида; верховенство закона; неподконтрольный властям и неподкупный суд; независимые СМИ; признаваемое обществом человеческое достоинство каждого. И уже сейчас очевидно, что чем более развиты эти культурные составляющие личности и общества, чем более высокой пробы этот «человеческий капитал», тем на более высокой ступени своего развития уже находится или может подняться экономика, тем она эффективнее. В этой связи вопрос: насколько «люди в погонах» способны преодолеть свою жизненную установку - «императив приказа» и принять современные цивилизационные нормы бытия? И вопрос этот тем более интересен, поскольку, как мы неоднократно от этих людей слышали, «чекистов бывших не бывает».

⁹ Черкесов В.В. Неведомственные размышления о профессии. «Комсомольская правда». 28 декабря 2004 года.

* * *

Современная экономическая наука доказала: культура не в меньшей степени чем средства производства, влияет на экономическое развитие¹⁰. Вывод этот прекрасно подтверждается примерами из отечественной истории. В ней можно найти много моментов, когда действительно ставилась задача перехода к экономике нового типа и при этом свою существенную роль играла культура. Остановлюсь на двух, возможно, наиболее крупных.

Первый – реформы Петра I. Их основной смысл – волей самодержца принудительно ввести в экономическую жизнь культурное начало и частный интерес, сделать их двигателем экономического прогресса. Не сразу, поскольку такой алгоритм развития в исторической жизни России был явлен впервые, но спустя почти сто лет последовала подкрепляющая этот экономический алгоритм культурная реакция. О ней прозорливо написал А.И. Герцен: «На реформы Петра Россия ответила явлением Пушкина».

В чем же состоял культурный феномен великого поэта? Конечно, это огромная тема, в которой я вынужденно выделю всего несколько моментов, имеющие отношение к рассматриваемым вопросам. Прежде всего, впервые в истории отечественной культуры были представлены размышления о том, «Что такое человек?», «Что есть добро и зло?», «Мыслим ли человек без свободы, чести и достоинства?» В известном отношении, «Евгений Онегин» - это поиск ответа на вопрос «Зачем живет человек и что для него есть любовь».

А что говорили современникам и что говорят нам «Повести покойного И.П. Белкина» и «Капитанская дочка»? Что судьба людей и их благо - в руках Господа и дело человека, прилагая личные усилия, не забывать об этом. Что любовь, честь и достоинство – выше узко понятых должностных, семейных и прочих обязанностей, да и самой жизни, наконец, и что за земные дела свои человеку воздается как на земле, так и после смерти.

От чего предостерегал Пушкин «Пиковой дамой» и «Медным всадником»? В том числе, и от искушения достичь вожделенной цели недобрыми средствами, от желания слабого человека передать решение своей личной судьбы в руки государства, которое в этом случае, не исключено, сделается злой силой.

Число примеров можно было бы продолжать, но вывод очевиден. Заложенный Петром новый алгоритм участия культуры и личностного начала в экономической жизни потребовали от человека нового качества, нового содержания, новой направленности сознания и самосознания личности, нового мировоззрения.

Еще одним пример радикальной реформы в истории страны связан с именем Александра II. Не обращаясь к подробностям совершенных преобразований, отмечу, что их главный вектор был, конечно, «петровский», а именно -

¹⁰ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., Начала, 1997; Лал Д. Непреднамеренные последствия. М., ИРИСЭН, 2007 и др.

усиление в экономической жизни роли культуры и свободной личности. На утверждение этой системы общественных отношений были направлены проводимые царем реформа образования, судебная реформа, реформа местного самоуправления и, конечно же, его главное деяние - отмена крепостного права.

На подготовку и самые реформы в русской культуре ярко и конструктивно «ответили» прежде всего И.С. Тургенев и И.А. Гончаров. Тургенев – мощным циклом из шести романов, Гончаров – «Обыкновенной историей» и «Обломовым»¹¹. В этой связи скажу лишь о нескольких идеях, выраженных в этих произведениях и фундаментальных для перехода страны к новому экономическому алгоритму.

Первая – о новом человеке, представленном образом Базарова. В нем мы находим довольно редкую для отечественной литературы фигуру профессионала, человека лично свободного, обладающего высоким чувством собственного достоинства и к тому же – трудоголика. Печален, однако, финал: этот человеческий тип оказывается чуждым российской действительности. Именно Россия в ее тогдашнем состоянии являет собой материализованный нигилизм, уничтожающий все, что не вписывается в ее рабское (крестьянское) и паразитическое (помещичье) бытие.

Вторая идея, примечательная в связи с обсуждаемой темой, – диагноз болезни, которой Россия только начинала болеть в то время – болезни революционаризма. Смысл этого явления – одномоментным насилием изменить существующий порядок вещей. Революционер Инсаров, говоря словами Добролюбова, надеялся «резким толчком ноги повернуть ящик». Но сделать это, не меняя природы самого российского человека, оказывается нельзя. А поменять свою природу человек может лишь сам, для чего ему понадобится культура и много собственных усилий.

Третий, принадлежащий Гончарову, тезис и вовсе звучит на первый взгляд экзотично. Россия – это не только бездеятельные Обломовы, хотя, как в случае с Ильей Ильичем, обладающие «золотыми сердцами». Это также их антиподы, честные и деятельные Штольцы и Адуевы-дяди. (Кстати, в заключительном романе своей шеститомной серии Тургенев выводит образ, близкий Штольцу – образ управляющего Соломина, за которым, как он надеется, будущее страны. И этим образом как бы ставит заключительную точку в ответе на свой же, магистральный для романной эпопеи вопрос: «Возможно ли в России позитивное дело?»).

Еще более мощно на заданный реформами Александра II экономический алгоритм ответил своим творчеством А.П. Чехов. Ряд созданных им позитивных образов показывает единственно правильный вектор позитивных экономических перемен: утверждение личностного и культурного начал как факторов общественной жизни. Это, прежде всего, герой повести «Моя жизнь», равно как

¹¹ Более подробно на эту тему можно посмотреть мои статьи в журнале «Вопросы философии» - № 5 за 2008 и № 4 за 2009 годы.

и доктор Астров из «Дяди Вани», и предприниматель Лопухин из «Вишневого сада». Их образами писатель утверждает, что только личной дисциплиной, упорством, окультуриванием, «постепенством малых дел» можно привить людям способность к новому экономическому поведению, строящемуся на свободе и личном достоинстве.

То, что этот путь оказался единственно верным, демонстрирует нам экономика и культура развитых стран западной Европы, многие ценности и смыслы которой не уставала прививать на русской почве, равно как и вырабатывать свои собственные, отечественная классическая литература.

* * *

Предпринятый мной небольшой экскурс в подлинное содержание некоторых смыслов и ценностей русской культуры имеет двоякую цель. Прежде всего, на этой основе я хотел бы сделать внятной для читателя мысль о том, что никакому, даже самому совершенному и альтруистическому по своей направленности государству, нет и не должно быть дела до окультуривания своих подданных. Озабочено оно может быть лишь проблемами организации функционирования культуры, в частности, проблемами образования. Ибо если государство начнет вникать в содержание культуры, тем более - с целью продвижения одних идей и искоренения других, то тогда получится именно то, о чем по наивности тоскует г-н Сергеев. Напомню, в умершем СССР он видит «с фантастическим рвением» продвигаемый большевиками «просветительский проект всеобщего окультуривания народа». В нем, этом проекте, «знание Пушкина являлось вещью более важной, чем размер оклада, и многие в это искренне верили».

Действительно, государство «СССР» работы с содержанием культурных ценностей не чуралось. Оно в них вникало и видоизменяло. Поэтому и толкование, например, Пушкина советским людям предоставлялось соответствующее. И если трудно восстановить школьные трактовки тех или иных произведений, то довольно легко их увидеть на примерах экранизаций отечественной классики. Так, при съемках «Капитанской дочки» Пушкина (фильм «Гвардии сержант») сценарист В. Шкловский и режиссер Ю. Тарич в русле коммунистического государственного заказа избрали путь «модернизации» исторической концепции произведения в духе исторической школы Покровского¹². В интервью по этому поводу Ю. Тарич заявлял: «Ввиду того, что общие установки и характеристика эпохи в «Капитанской дочке»... для нас, рассматривающих исторические явления с диаметрально-противоположной точки зрения, - оказались неверными и неприемлемыми, мы внесли ряд существенных корректур

¹² Советские художественные фильмы. Аннотированный каталог, т.1. М., 1961, сс. 267 - 268. М.Н. Покровский – до начала 30-х годов один из главных официальных историков советской власти. – С.Н.

как в историческую часть повести, так и в бытовую»¹³. В итоге пушкинские персонажи стали символизировать определенные «классовые тезисы» советской власти. Сделанный по воле авторов ничтожным и трусливым Петр Гринев, например, олицетворял политику дворянской экспансии и отправлялся в Белогорскую крепость для захвата вольных крестьянских земель, а в финале становился незадачливым любовником самой Екатерины II. Напротив, романтически загадочный дворянин (у Пушкина – предатель) Швабрин в фильме – правая рука Пугачева и едва ли не идейный последователь Радищева. Он был демократичен, облачен в армяк и просвещал Машу, читая ей сочинения французских материалистов. Даже слуга Гринева, старый Савельич, в фильме превращался в одного из близких соратников самозванца. А когда в финале Пугачев был казнен, то Гринев, классовый враг предводителя угнетенных масс, плясал над его еще не остывшим трупом.

Очевидно, также заботясь о наиболее эффективной реализации «просвещенческого проекта всеобщего окультуривания народа», В. Шкловский в статье «Как ставить классиков» в 1927 году провозгласил кампанию их «массового исправления». А поскольку кино по определению было «великим искажителем», то с Толстым, Пушкиным, Лермонтовым, Достоевским предлагалось не церемониться, а смело менять сведения, которые ими сообщались. В результате должны были появляться произведения, «параллельные» классическим, хотя и под их именами¹⁴.

Конечно, сегодня все это звучит анекдотически. Но не будем забывать, что такая выработанная государством политика экранизации отечественной классики в нашем кино была магистральной и сохранялась долгие годы. Очевидно, что содержанием – смыслами и ценностями культуры может и должно заниматься гражданское общество в лице свободно работающих писателей, художников, кинематографистов и других творческих деятелей. И непосредственным предметом их занятий как раз и оказываются вечные или современные им явления и процессы. Люди творчества могут свободно вступать в диалог как между собой, так и с предшественниками, делая это безбоязненно, помимо административно-цензурных ограничений (но, безусловно, в рамках принятых обществом норм и рамок приличия). А создаваемые ими продукты как раз и становятся поводом, условиями и содержательным материалом для развития остальных граждан. В процессе их освоения происходит «окультуривание» тех, кто желает и может включиться в этот процесс. И чем больше таких граждан у страны будет, тем больше будет у нее возможностей выйти на новые уровни эффективного экономического развития. Предлагать же вместо культуры «масскульт», на мой взгляд, все равно, что, например, принуждать Диму Билана петь партию князя Игоря и, что еще ужаснее, кого-то заставлять это слушать.

¹³ Гуральник У. А. Русская литература и советское кино. Экранизация классической прозы как литературоведческая проблема. М., Наука, 1968, с.101.

¹⁴ Цит. по кн.: Гуральник У. А. Русская литература и советское кино..., с. 75.

* * *

Решение проблемы культурного развития лежит вне собственно культурной проблематики. Для современной России она означает необходимость реформирования традиционной для страны проблемы гипергосударства. На этот счет один из героев Андрея Платонова говорил примерно следующее: «государство надо унизить, а людей без призора оставить. К лучшему обойдется. Ей-богу, правда». Только при этом условии и возможен «запуск» механизмов самоорганизации. Впрочем, все дело, конечно же, в поиске разумной меры, чего сегодня, к сожалению, мы пока не наблюдаем. В этом контексте «человек в погонах» как центральный субъект отечественной, в том числе и современной, истории, должен уступить место «человеку культуры». В том числе и тому, который еще вчера носил погоны. Однако если сегодня он покинул свою профессиональную «силовую» сферу, то также должен сменить ориентацию на приказы - ориентацией на ценности цивилизации. Такому человеку нужны не культурные эрзацы, а сама культура. А уж дойдет ли он до ее высот или остановится на одном из перевалов, решать ему самому.

Завершая текст, отмечу, что при желании можно соотнести содержащиеся в нем сюжеты с конкретной отечественной реальностью, а рядом с общими терминами поставить конкретные факты, явления и имена. Сделать это для понимающего читателя большого труда не составит.